

ем должен предварять анализ любой области латинской грамматики. Являясь одним из основополагающих принципов методики преподавания иностранного языка, использование межъязыковых сопоставлений приобретает особую значимость в современных условиях. Вследствие снижения уровня теоретической подготовленности в области русского языка студенты, изучающие латынь, все чаще нуждаются в экспликации и объяснении, казалось

бы, очевидных явлений. Только с учетом этого факта процесс обучения латинскому языку может стать по-настоящему осмысленным и потому успешным.

* См.: *Соболевский С.И.* Грамматика латинского языка. Часть теоретическая. Морфология и синтаксис. М., 2003. С. 5.

НРАВСТВЕННАЯ РЕФЛЕКСИЯ КАК СВОЕОБРАЗИЕ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Н.И. Ривера

Человечество немислимо без нравственных исканий и сомнений, без духовной жизни и борьбы, оно постоянно находится, как говорил Р. Барт, в процессе неустанного созидания смысла. Носителем этого предназначения является интеллигенция. Своеобразие русской интеллигенции как феномена национальной культуры, не имеющего буквальных аналогов среди «интеллектуалов» (понятие, в основном, профессиональное) Западной Европы, заключается в ее высокой духовно-нравственной позиции. Иными словами, «русская интеллигенция есть совсем особое, лишь в России существующее, духовно-социальное образование»¹. Так как интеллигенция выполняет социальную функцию прямого субъекта духовного производства, обязательным условием для ее представителей является не только обладание высокоразвитым интеллектом, но и высокой духовностью и нравственностью. Отсюда вполне закономерно рассмотрение ее как носителя высших духовных ценностей параллельно православному духовенству².

Несмотря на значительное меньшинство, интеллигенция всегда была авторитетным и влиятельным демократическим слоем, самой мыслящей частью общества, генерируя роль создателя, подвижника и проповедника культуры. Отсюда и повышенная моральная ответственность за происходящее. «Русский интеллигент — это прежде всего человек, с юных лет живущий вне себя, в буквальном смысле слова, т.е. признающий единственно достойным объектом своего интереса и участия нечто лежащее вне его личности — народ, общество, государство»³.

Доминирующей чертой русской интеллигенции является, по словам Н.А. Бердяева, «верховен-

ство совести»⁴. Совесть — этическая категория, характеризующая способность личности осуществлять моральный самоконтроль, самостоятельно формулировать для себя нравственные обязанности, требовать от себя их выполнения и производить самооценку совершаемых поступков. «Именно совесть показывает, что достигнут качественный скачок в нравственном развитии личности — моральная автономия, моральное право ориентироваться, оценивать, судить себя, достигнута глубокая моральная рефлексия»⁵. Во многих европейских языках «совесть» этимологически значит «совместное знание»; в русском языке оно происходит от слова «ведать» — знать. Концепт «совесть» в русской духовной культуре хорошо определен в словаре В. Даля: «Совесть — нравственное сознание, нравственное чутье или чувство в человеке; внутреннее сознание добра и зла; тайник души, в котором отзывается одобрение или осуждение каждого поступка; способность распознавать качество поступка; чувство, побуждающее к истине и добру, отвращающее от лжи и зла; невольная любовь к добру и к истине; прирожденная правда в различной степени развития»⁶. Таким образом, совесть выступает моральным саморегулятором, представляя собой своеобразный сплав рационального осознания нравственного значения совершаемых действий и эмоционального переживания. Она наиболее остро выражает ощущение моральной удовлетворенности или неудовлетворенности. Совесть — это субъективное осознание личностью своего долга и ответственности перед людьми, обществом. Но форма этого осознания такова, что они выступают как долг и ответственность челове-

ка перед самим собой. Долг аналогично совести является психологическим механизмом самоконтроля личности. Долг — это отношение личности к обществу, выступающей как активный носитель определенных нравственных обязанностей, осознавая и реализуя их в своей деятельности. Через долг утверждается нравственная ценность. «Интериоризация долга, превращение социально санкционированных обязанностей во внутренние побуждения человека знаменуют собой становление морального сознания в собственном смысле этого слова»⁷. Долг, не связанный с внешним принуждением, есть не что иное, как чистота нравственного мотива. Нравственность как совокупность духовных качеств человека, не входит в сферу знания, образуя совершенно особую сферу — сферу ценностей. Если знания черпаются из мира, то ценности создают мир. Мораль, таким образом, свидетельствует не о том, что человек знает, а о том, на каком уровне развития он находится⁸. Например, Дж. Вико (1668 — 1744) назвал состояние общественных отношений, в которых исчезло представление о высших ценностях, «варварством рефлексии», возвратом к первобытному варварству, но «на более высокой основе», соответствующей изощренному интеллектуалистическому эгоизму.

Мораль, наблюдаемая на практике, всегда является собой представленную в различных пропорциях смесь чистой нравственности с другими составляющими более или менее темного, по большей части — религиозного происхождения. Чем значительнее в этой смеси доля первоизданной морали, тем продолжительнее и благополучнее может быть существование общества, избравшего его своей опорой. В идеальном случае общество, организованное согласно универсальным законам нравственности, было бы способно просуществовать вплоть до конца света⁹.

Интеллекта от интеллектуала отличают два основных признака: превосходство духовных начал и интересов над материальными и превосходство альтруизма над эгоизмом¹⁰. Понятие альтруизма вытекает из понятия моральности. Сам термин «альтруизм» был введен О. Контом как противоположный по смыслу термину «эгоизм». Как отмечает Н.В. Гришина, «альтруизм — это самостоятельный мотив, который отличается от других мотивов, основанных на личной выгоде; в основе его лежат любовь и бескорыстная забота о других, способность отдавать и чувство ответственности»¹¹. А.И. Арнольдов считал, что русскую интеллигенцию отличала «...вера в социальное чудо, жертвенность, проникнутая человеческими муками, связанная с глубочайшей ответственностью за судьбу народа»¹².

С.Н. Булгаков выделял такие черты русской интеллигенции, как аскетизм, строгость личной

жизни, бессознательно-религиозное отвращение к духовному мещанству, сострадание нуждающимся, эсхатологическая мечта о Граде Божием, о грядущем царстве правды, народолюбие и «социальное покаяние»¹³.

С.Л. Франк утверждал, что «символ веры русского интеллигента есть благо народа, удовлетворение нужд «большинства». Служение этой цели есть для него высшая и вообще единственная обязанность человека...». Общий народнический дух выступает в истории русской интеллигенции в двух различных формах — «в форме непосредственного альтруистического служения нуждам народа и в форме религии абсолютного осуществления народного счастья»¹⁴.

«... когда европейские *les intellectuals* вошли в русский язык как интеллектуалы, то слово это сразу приобрело отрицательный оттенок: «рафинированный интеллектуал» (словосочетание из Малого академического словаря), «высоколобые интеллектуалы». Почему? Потому что в этом значении есть только ум и нет совести, западный «интеллектуал» — это специалист умственного труда и только, а русский «интеллигент» традиционного образца — нечто большее»¹⁵. Отличие интеллигенции от интеллектуалов заключается в высоком морально-этическом уровне, нравственном императиве, другими словами — интеллигентности. Таким образом, для интеллигенции более чем для интеллектуалов характерны рефлексия, альтруизм, «самокопание», неудовлетворенность состоянием общества, обостренное нравственное видение мира, сострадательность, чувство ответственности.

¹ Бердяев Н.А. Русская идея // О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 64.

² См.: Арнольдов А.И. Человек и мир культуры. М., 1992. С. 156-157.

³ Гершензон М.О. Творческое самосознание // Вехи. Интеллигенция в России: Сб. ст. 1909-1910. М., 1991. С. 85.

⁴ См.: Бердяев Н.А. Указ. соч.

⁵ Милтс А.А. Совесть // Этическая мысль: Науч.-публицист. чтения. М., 1990. С. 275.

⁶ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1989. Т. 4. С. 257.

⁷ Киссель М.А. Историческое сознание и нравственность. М., 1990. С. 19.

⁸ См.: Кант И. Лекции по этике. М., 2000.

⁹ См.: Уэльбек М. Элементарные частицы. М., 2003.

¹⁰ См.: Егоров Б.Ф. Интеллигенция и массовая культура // Русская интеллигенция. История и судьба. М., 2001. С. 208.

¹¹ Психология: Учебник. М., 2001. С. 194.

¹² Арнольдов А.И. Указ. соч. С. 157.

¹³ См.: Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество // Вехи. Интеллигенция в России. С. 48.

¹⁴ Франк С.Л. Этика нигилизма // Вехи. Интеллигенция в России. С. 160, 165.

¹⁵ Гаспаров М.Л. Интеллектуалы, интеллигенты, интеллигентность // Русская интеллигенция. История и судьба. М., 2001. С. 10.